

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

47-48

А.С.ГРИБОЕДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · М О С К В А · 4 · 6

СЮЖЕТ «ГОРЯ ОТ УМА»

Статья Ю. Тынянова*

I

Исследователь текста «Горя от ума» И. Д. Гарусов писал в 1875 г.: «Ровно полвека идут толки о «Горе от ума», и комедия, не говорим: для большинства, а для массы остаётся непонятною»¹.

Надеясь в изучении живых исторических остатков прошлого получить верное разрешение вопроса, сделать пьесу понятною для зрителя, Гарусов много лет изучал прототипы действующих лиц. «Даже столичные артисты, у которых еще не изгладились предания об авторе, — писал он, — которые помнят его указания, даже они не в силах до сих пор вполне воссоздать грибоедовских типов, и те по большей части изображают карикатуры, а не действовавших тогда лиц. Покойные Щепкин и Орлов составляли единственное исключение, воплощая Фамусова и Скалозуба живьем, ибо знали лиц, прикрытых этими именами, но и они, согласно условиям времени и драматической цензуры, оставляли крупные пробелы». Щепкин писал: «Естественность и истинное чувство необходимы в искусстве, но настолько, насколько допускает общая идея»².

Ещё хуже было с женскими типами. Гарусов писал, что кроме А. М. Каратыгиной в роли Натальи Дмитриевны и Колосовой (в Москве) в роли Лизы «ни прежде, ни теперь ни одна артистка не смогла справиться с ролью в комедии менее типичною».

Обрекая пьесу на временное, быстро забывающееся понимание, Гарусов опирался на живую речь и характеры прототипов. У этого историка пьесы, требовавшего непосредственного воспроизведения грибоедовской правды изображения, не было будущего, перспективы.

В письме к Катенину от января 1825 г., которое является основой грибоедовского понимания пьесы, Грибоедов так ответил на возражение Катенина, что в «Горе от ума» «характеры портретны»: «Да! И я коли не имею таланта Мольера, то по крайней мере чистосердечнее его; портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии».

И, непосредственно за этим, Грибоедов говорит не о портретах уже, а о типах, о том, что в портретах, «однако, есть черты, свойственные

* Подготовлена к печати Е. А. Тыняновой по рукописным материалам архива Ю. Н. Тынянова.

многим другим лицам, а иные всему роду человеческому на столько, на сколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдёшь». Здесь кончалось, как единственное средство понимания пьесы, изучение Гарусова. Здесь было новое качество драматической литературы.

«Портреты» становились типами. «Портретность» была ранее для русской комедии не исключением, а правилом. Практика драматических портретов была начата Крыловым, Шаховским, позже разработана Катениным. В комедии Шаховского «Новый Стерн» (1807) видели карикатуру на Карамзина, в Фиалкине другой его пьесы — «Урок кокеткам или Липецкие воды» (1815) — сам Жуковский узнал карикатуру на себя. Это положило начало литературному обществу «Арзамас» и возникновению знаменитой литературной полемики, войне «Арзамаса» и «Беседы».

Сюжет «Горя от ума», «план» объяснил наиболее полно и ясно сам Грибоедов. В упомянутом письме к Катенину он писал: «Ты находишь главную погрешность в плане: мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка сама не глупая предпочитает дурака умному человеку (не потому чтобы ум у нас грешных был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцев на одного здраво мыслящего человека); и этот человек разумеется в противуречии с обществом его окружающим, его никто не понимает! никто простить не хочет, за чем он немножко повыше прочих, сначала он весел, и это порок: «Шутить и век шутить, как вас на это станет!» — Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты! Его насмешки неязвительны, покуда его не взбесит, но всё таки: «Не человек! змея!» а после, когда вмешивается личность «наших затронули», предаётся анафеме: «Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!». Не терпит подлости: «ах! боже мой, он Карбонарий». Кто-то со злости выдумал об нём, что он сумасшедший, никто не поверил и все повторяют, голос общего недоброхотства и до него доходит, притом и нелюбовь к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, ему совершенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков. Ферзь тоже разочарована на счет своего сахара медовича. Что же может быть полнее этого?»

Самая яркая черта здесь — трактовка Софьи и Чацкого. Чацкий «в противуречии с обществом»: главный же представитель этого общества в плане — Софья. Из приведённых Грибоедовым четырёх реплик о Чацком три принадлежат Софье, и только одна — Фамусову. Из действия I — «Не человек, змея» — это произносит Софья (в сторону) после слов Чацкого о Молчалине: «Ведь нынче любят бессловесных»; Софья в действии III: «Шутить! и век шутить! как вас на это станет!» — после притворной попытки Чацкого примириться с мнением Софьи о Молчалине. «Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!» — слова Софьи о Чацком после слов Чацкого о Молчалине: «В нём Загорецкий не умрёт», Фамусов произносит здесь только стих из действия II: «Ах,

боже мой! он Карбонарий!» — после ответа Чацкого на восторг Фамусова перед Максимом Петровичем («Не терпит подлости»).

Софья характеризуется именно как представительница общества: «после, когда вмешивается личность «наших затронули», предаётся анафеме»; «наших затронули» — это слова красноречивые и вполне объясняющие роль и значение Софьи (здесь о ней не говорится, как о женщине, здесь она — представительница общества). И удивительнее всего, что Грибоедов пишет о важной, решающей сюжетной черте, в которой выступает Софья: «Кто-то со злости выдумал об нём, что он сумасшедший». И если о нелюбви Софьи говорится, как о нелюбви к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, то здесь она — безличный представитель общества, «кто-то». Любимая девушка — представительница общества, с которым Чацкий «в противуречии». Софья открыто выступает против «этого ума, что гений для иных, а для иных чума», и выступает, как представительница интересов семьи: «Да эдакий ли ум семейство осчастливит?» (в этом отношении главную роль как блюститель семьи играет всё же не она, не Фамусов, а сам Молчалин: «Любила Чацкого когда-то, меня разлюбит, как его»).

По выходе «Горя от ума» в свет, замечательную статью написал о пьесе Сенковский. Он желал покончить с мелкой и во многом лицемерной полемикой вокруг пьесы. Против пьесы восстали задетые ею. «Кто безусловно поносит «Горе от ума», тот оскорбляет вкус всего народа и суд, произнесённый всею Россией. Это народная книга: нет Русского, который бы не знал наизусть по крайней мере десяти стихов». И тотчас дал замечательное определение, которое, прекращая нападки Вяземского, перекликалось с его словами о Фонвизине: «Подобно «Свадьбе Фигаро», это комедия политическая: Бомарше и Грибоедов, с одинаковыми дарованиями и равною колкостью сатиры, вывели на сцену политические понятия и привычки обществ, в которых они жили, меряя гордым взглядом народную нравственность своих отечеств»³. Последняя фраза явно ошибочна. Грибоедов всегда противопоставлял народные нравы и народную нравственность нравам образованной части общества, «повреждённого класса полуевропейцев», которому сам принадлежал («Загородная поездка»). Упоминание о Бомарше заслуживает анализа и изучения. «Если «Горе от ума» уступает творению французского комика в искусстве интриги, с другой стороны оно восстанавливает равновесие своё с ним в отношении к внутреннему достоинству поэтической частью и прелестью рассказа».

Дело касается сюжета. «Кто-то со злости выдумал об нём, что он сумасшедший, никто не поверил и все повторяют» — такова основа сюжета, и здесь Сенковскому недаром припомнился Бомарше. Ср. действие II «Севильского цирюльника»:

Базиль.

.....Втянуть его в скверную историю — это в добрый час, и тем временем оклеветать его бесповоротно, *concedo*.

Бартоло.

Странный способ отделаться от человека!

Базиль.

Клевета, сударь: вы совсем не знаете того, чем пренебрегаете. Мне пришлось видеть честнейших людей, почти уничтоженных ею. Поверьте, не существует той плоской злостной выдумки, мерзости, нелепой сказки, которую нельзя было бы сделать пищей праздных людей в большом городе, как следует взявшись за это, а у нас тут имеются такие ловкачи... Сначала лёгкий говор, низко реющий над землёй, как ласточка перед грозой, шопот *pianissimo* бежит и оставляет за собой ядовитый след. Чей-нибудь рот его приютит и *piano, piano* с ловкостью сунет в ваше ухо. Зло сделано. Оно прорастает, ползёт, вьётся, и *gipforzando* из уст в уста пойдёт гулять. Затем вдруг, не знаю отчего, клевета поднимается, свистит, раздувается, растёт у вас на глазах. Она устремляется вперёд, ширит свой полёт, кружится, схватывает всё, рвёт, увлекает за собой, сверкает и гремит, и вот, благодаря небу, она превратилась в общий крик, *crescendo* всего общества, мощный *choc* из ненависти и проклятий. Кой чорт устоит перед ней?

Действие IV той же пьесы:

Базиль.

Клевета, доктор, клевета! Всегда следует пристать к ней.

Сомневаться в том, что это было учтено Грибоедовым не приходится (ср. сравнение клеветы со «снежным комом» в первой редакции «Горя от ума»).

Более того — Грибоедов учился у Бомарше искусству построения сюжета. Ср. предисловие к «Женитьбе Фигаро»: «Я думал и продолжаю думать, что нельзя достичь на театре ни большой трогательности, ни глубокой нравственности, ни хорошего и неподдельного комизма иначе, как путём сильных положений в сюжете, который хотят разработать, — положений, постоянно рождающихся из социальных столкновений.

Комедия, менее смелая, не преувеличивает столкновений, ибо её картины заимствованы из наших нравов, её сюжеты — из жизни общества. Басня — это краткая комедия, а всякая комедия не что иное, как странная басня: разница между ними заключается в том, что в басне звери умны, а в нашей комедии люди бывают зачастую животными и, что того хуже, животными злыми».

Искусство живого изображения у Грибоедова таково, что исследование его отодвинуло все остальные моменты. Исследование сюжета «Горя от ума» занимались гораздо менее. Но сила и новизна «Горя от ума» была именно в том, что самый сюжет был громадного жизненного, общественного, исторического значения. Бомарше был здесь не «источником», а только учителем. «Сильное место в сюжете» — это выдумка о сумасшествии Чацкого. Возникновение выдумки — наиболее сильное место в любовной драме Чацкого. Оно основано на собственных словах героя. Пытаясь разгадать, кого любит София, и не доверяя

ГРИБОЕДОВ

Портрет цветным карандашами И. Робильера (с гравюры Н. Уткина?), вделанный
в переплет списка «Горя от ума», принадлежавшего Ф. В. Булгарину

Публичная библиотека, Ленинград

очевидности, Чацкий как бы примиряется с концом своей любви. Он горько иронизирует над своей отвергнутой любовью, называя её сумасшествием:

Потом
От сумасшествия могу я остеречься;
Пущусь подальше — простить, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по свету, забыться и развлечься.

На это горькое признание Софья говорит (про себя):

Вот нехотя с ума свела!

Софья, выведенная из себя словами Чацкого о Молчалине, из мести повторяет это:

Он не в своём уме!

Искусство — в еле заметных усилениях. Интересно, что слух пущен через безыменных г. N и потом г. D.

Распространение и рост выдумки:

III действие.

Явление 1.

Чацкий. От сумасшествия могу я остеречься.
Софья. Вот нехотя с ума свела!

Явление 14.

Софья. Он не в своем уме.
Г. N. Ужли с ума сошёл?
Софья. Он не в своём уме.

Явление 15.

Г. N. С ума сошёл.

Явление 16.

Г. D. С ума сошёл.
Загорецкий. Его в безумные упрятал дядя плут.

Явление 17.

Загорецкий. Он сумасшедший.
Загорецкий. Да, он сошёл с ума!

Явление 19.

Загорецкий. В горах изранен в лоб, — сошел с ума от раны.

Явление 21.

Загорецкий. Безумный по всему!
Хлёстова. В его лета с ума прыгнул.
Фамусов. Безумных развелось людей, и дел, и мнений.
Хлёстова. Уж кто в уме расстроен.

Явление 22.

Хлёстова. Ну, как с безумных глаз..

IV действие.

Явление 4.

Загорецкий. В уме сурьёзно повреждён?

Явление 14.

Фамусов. Сама его безумным называла!

Распространение выдумки основано на изображении переимчивости. Однако, дело не в вере, в перемене мнений, дело в полной общности согласия. В конце III действия Чацкий уже объявлен сумасшедшим. На вопрос Платона Михайловича:

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна отвечает:

Ах, друг мой, все!

И старый друг Чацкого должен уступить:

Ну, все, так веришь поневоле,

Дело не в вере в выдумку, даже не в доверии;

Полечат, вылечат авось —

говорит Хлёстова, явно не веря. «Никто не поверил и все повторяют». Слепая необходимость повторять общий слух, при недоверии.

Ещё более ясно соглашается Репетилов:

Простите, я не знал, что это слишком гласно,

Выдумка приобретает характер сговора, заговора. Ошибшийся, спутавший с Чацким Молчалина, в последней сцене, впереди толпы слуг со свечами, Фамусов, обращаясь с упреками к Софье, произносит:

Всё это заговор и в заговоре был

Он сам, и гости все.

У него самолюбие государственного человека — я первый, я открыл! Это уже не малая сцена, не домашняя комедия. Что за будущее предстоит всем, свидетельствует катастрофическая фигура Репетилова.

В чертах не только характера, но и выдумок — черты реальные. В действии III выдумка распадается на ряд конкретных, причём окраску близости к автобиографическим грибоедовским моментам представляет, например, вздорное утверждение Загорецкого о сумасшествии Чацкого:

В горах изранен в лоб, — сошёл с ума от раны.

Это отголосок слухов, ходивших вокруг противника Грибоедова — Якубовича, слухов, им самим, любившим преувеличенную страстность.

раздутых: он сильно подчёркивал свою рану, носил повязку на лбу, трагически её сдёргивал и т. д.

Однако, не следует слов Чацкого о «сумасшествии» и постепенного развития — от Софьи до толпы гостей — слуха о том, что Чацкий «не в своём уме», понимать всецело в новом, теперешнем значении этого слова. Между современным значением этого понятия и значением, которое было у него в то время, имеется существенное различие.

В рыцарский кодекс любви к даме в куртуазную рыцарскую эпоху входит безумная любовь, безумие из-за дамы, — таково безумие неистового Роланда из-за Анжелики, таково безумие Дон-Кихота из-за Дульцинеи.

Пережитки этого значения безумия остались в языке и дошли до 20-х годов XIX века.

Непременная связь между безумием и любовью к женщине казалась сама собой разумеющейся.

Поэт Батюшков в 20-х годах психически заболел. Болезнь его была безнадежна, и жизнь его разбилась на две половины: нормальная жизнь до 1822—1824 гг. и жизнь умалишённого до 1850 г. Друзья приняли горячее участие в его болезни. П. А. Вяземский писал 27 августа 1823 г. Жуковскому о Батюшкове и наметил решительные мероприятия. Мероприятия, намеченные Вяземским по излечению болезни Батюшкова, были следующие:

«В СПГе есть Муханов Николай, лейб-гусарский офицер. Он был с Батюшковым на Кавказе и видел его довольно часто. У него можешь ты узнать, был ли он точно там знаком с какою-нибудь женщиной. Объяснение этого дела может служить руководством к обхождению с ним и с болезнью его. В таком случае и обман может быть полезен. А если в самом деле влюблён он в эту женщину, то можно будет придумать что другое... Не отказывайте: тут минута может всё свершить и наложить на совесть нашу страшное раскаяние. Больно будет нам сказать себе, что он достоин был лучших друзей»⁴. Таким образом, Вяземский наметил сложный и исчерпывающий план поведения друзей с душевнобольным поэтом, и в основе этого плана лежит происхождение болезни от влюблённости в женщину.

В начале сентября 1824 г. Грибоедов пишет Булгарину письмо, которым решительно кончал с ним какие-либо отношения, литературные и личные. Письмо написано после неумеренных восхвалений Булгариным Грибоедова в печати, которые должны были широко огласить эту «дружбу». Личные отношения, конченные этим письмом, повидимому, после объяснений и настойчивых шагов Булгарина ему удалось возобновить. И вот, на автографе этого письма Грибоедова к Булгарину, по свидетельству биографа Грибоедова М. Семевского, было написано Булгариным: «Грибоедов в минуту сумасшествия»⁵.

Что касается Греча, то и он пишет о сумасшествии, но уже не Грибоедова, а Кюхельбекера. В своих воспоминаниях он говорит о Кюхельбекере, что «приятелем его был Грибоедов, встретивший его у меня и с первого взгляда принявший за сумасшедшего»⁶.

Эта выдумка — внезапное ни на чем не основанное подозрение в сумасшествии, с которым мы встречаемся в «Горе от ума», было в ходу у сомнительных «друзей».

Талантливый и предприимчивый человек,
 Неудачник сны во гласе вина и драми,
 И глоссы и фразы со кривою спинами: вкруже
 Намекая сны вымышлены борзны отцы сабаки!!!
 Ишь вон тотъ сине, который для заботы,
 На краснотельный балетъ сошла на ликовых фуражах
 Отъ матерей, отъ сестер отпороченных догтей?!
 Сама парубочья вь Зсфирала и во Аллурала,
 Заставила всю Москва дивиться иль красть!
 Но Дарникова несогласила къ отперога:—
 Аллур и Зсфире все
 Распроданы по бидюкит!!!
 Вотъ тѣ, которые дожили до свиданья!
 Вотъ уважить кого дожили мы на безлюбды!
 Вотъ наши строимъ цюпители и судьи!
 Теперь пускай изъ насъ бидея
 Изъ мллобдыля млбодей найдется: врагъ исканий,
 Нетребуе мллбодя, ни помыслена во чине,
 Въ науки снъ оперитъ чинъ, аллурций познаний,
 Ишь во душь его сама божъ возбуждены фара
 Къ искусствамъ творческимъ, великимъ и широкимъ
 Оны тотчасъ:— разбой! похоро!
 Ишпросилъ чинъ мллбодя мллбодя мллбодя!!!

БУЛГАРИНСКИЙ СПИСОК «ГОРЯ ОТ УМА»

Страница с поправкой Грибоедова

Публичная библиотека, Ленинград

Выдумка может быть в будущем использована. Следует заметить, что это подчеркнуто в комедии. В III действии, в самый момент появления выдумки, у Софьи являются безыменные, не названные г. N. и г. D.

Оба безыменных действующих лица замечательны тем, что ничем от всех остальных не отличаются. Нельзя даже сказать, что они отличаются большею безличностью. Впрочем, у них есть личные черты. Так, г. N. более всего напоминает своей заинтересованностью этим слухом лицо, специально такими слухами интересующееся.

Пойду, осведомлюсь; чай, кто-нибудь да знает.

Это — как бы голос какого-нибудь агента фон-Фока. Он как бы пред-варяет Загорецкого. г. D., говорящий с Загорецким, опровергает г. N.: «Пустое», но разговор с Загорецким его окрыляет:

Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу: однако, чур, секрет!

У Загорецкого — черты и разговоры служащего. Если бы он был назначен цензором, он налёг бы на басни, где

Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

Так говорить мог именно человек особой канцелярии, близкий к политическому сыску, служащий. Платон Михайлович говорит ему:

Я правду о тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи.

О Загорецком Платон Михайлович говорит:

При нем остерегись, переносить гор'азд
И в карты не садись: продаст!

Это происходит при самом начале разглашения выдумки.

В годы написания окончания комедии деятельность особой канцелярии, которой уже заведывал фон-Фок, была сильно развита. Выдумки при деятельности особой канцелярии часто получали зловещее завершение.

Выдумка о сумасшествии Чацкого — это разительный пример «сильного положения в сюжете», о котором говорит Бомарше. Смена выдумок, рост их кончается репликой старой княгини:

Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чацкий.

Выдумка превращается в донос.

II

Прежде всего Грибоедову пришлось очень рано изучать в жизни, на деле то, что Бомарше называет клеветой, а он сам точнее и шире — «выдумкой». Именно изучать, потому что творческая тонкость и точность его была здесь подсказана и литературной и дипломатической деятельностью. Дело идёт не только о возникновении слуха, но и о его росте, о том, как появляется и растёт слух.

Грибоедов очень рано принял участие в литературной полемике. К 1816 г. относится его выступление по поводу вольного перевода бюргеровой баллады «Ленора». Дело идёт об одном из самых основных литературных и поэтических споров 20-х годов. Мне уже приходилось писать о нём⁷. Повод к полемике был тот, что наряду с вольным переводом «Леноры», знаменитой «Людмилой» Жуковского, появился другой вольный перевод — «Ольга» Катенина. Итоги полемики подвёл

в 1833 г. Пушкин. Он писал о бюргеровой «Леноре»: «Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из неё то же, что Байрон в своём Манфреде сделал из Фауста: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам Ленору в энергической красоте её первобытного создания. Он написал Ольгу. Но сия простота и даже грубость выражений, сия сволочь, заменившая воздушную цепь теней, сия виселица вместо сельских картин, озарённых летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнение в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым». Грибоедову был тогда 21 год.

Статья Грибоедова, привлекающая общее внимание, замечательна по своей чисто литературной, критической стороне, замечательна по тонкому анализу перехода литературной полемики в личные нарекания по адресу противника.

Упрёки рецензенту таковы: «В. Жуковский, говорит он, пишет баллады, другие тоже, следовательно эти другие или подражатели его, или завистники. Вот образчик логики г. рецензента. Может быть иные не одобряют оскорбительной личности его заключения; но в литературном быту то ли делается? Г. рецензент читает новое стихотворение: оно не так написано, как бы ему хотелось; за то он бранит автора, как ему хочется, называет его завистником и это печатает в журнале, и не подписывает своего имени. Всё это очень обыкновенно и уже никого не удивляет».

Самая простота в изложении фактов литературной полемики у молодого Грибоедова удивительна и напоминает драматический план. Недостаточность основания («пишет баллады, другие тоже, следовательно эти другие или подражатели его, или завистники»), ведущая к оскорбительной «личности» обвинений, заключений, безыменность нападок, — таковы точно и кратко изложенные особенности литературно-бытовой полемики. Грибоедов начинает с самых корней, самых незначущих и вместе простых фактов.

В литературной полемике неосновательное частное обвинение против Шаховского в том, что он противодействовал постановке пьесы Озерова, привело к тяжёлому обвинению Шаховского в смерти Озерова, — обвинению, под влиянием Вяземского широко распространившемуся в литературных кругах.

Литературная основа полемики, ведённой Вяземским (гениальный драматург, которого убила зависть), скоро вконец рушилась: Озеров не был гениальным драматургом, а обвинение Шаховского не имело фактического основания. Пушкина мирит с Шаховским Катенин.

В октябре 1817 г. Грибоедов писал Катенину, объясняя своё поведение в полемике с Загоскиным (в ответ на резкую рецензию Загоскина по поводу постановки грибоедовской пьесы «Молодые супруги», Грибоедов написал поэтический ответ «Лубочный театр», который его друзья распространили): «Воля твоя, нельзя же молчаньем отделываться, когда глупец жужжит об тебе дурачества. Этим ничего не

возьмёшь, доказательство Шаховской, который вечно хранит благородное молчание и вечно засыпан пасквилями».

Вначале, отдав дань крайностям литературной борьбы «Арзамаса», Пушкин не только научается широко относиться к литературной борьбе, но в первой главе «Евгения Онегина» даёт небывалый пример отношения к ней. Дело идёт о том же театре:

Там Озеров невольны дани
Народных слёз, рукоплесканий
С молодой Семёновой делил.
Там наш Катенин воскресил
Корнеля призрак величавый,
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло венчался славой —
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись...

Эта знаменитая строфа «Евгения Онегина» обыкновенно оценивается исключительно по своему стиху, по удивительной выразительности и краткости, в итоге чего в одну строфу вмещена широкая картина драматической и театральной истории. При этом обыкновенно упускается характер имён. Между тем, отказавшись от громкой и острой полемики, которая вовсе не решала основных задач искусства, Пушкин соединил в этой строфе несоединимые в то время, казалось бы, имена. Объединёнными в этой удивительной строфе оказались имена: Озерова, который, по литературной полемике, был убит Шаховским, и самого Шаховского; рядом идут имена Семёновой, которой слухи приписывали причину ссылки Катенина, её театрального противника, и самого Катенина. Недаром кончается этот список именем «беспартийного» в литературной и сценической полемике, знаменитого петербургского балетмейстера Дидло.

Обвинение в убийстве, выросшее из литературно-театральной полемики и обобщения частных фактов, было для Грибоедова делом, свидетелем которого он был.

Обычно дипломатическая деятельность Грибоедова ставилась необыкновенно далеко от его литературной жизни. Нет ничего более поверхностного. В своей дипломатической деятельности Грибоедов имел громадное поле наблюдений и изучений, имевшее существенное значение для его драмы.

В 1819 г. он поместил в «Сыне Отечества» обширное «Письмо к издателю «Сына Отечества» по поводу помещения в «Русском Инвалиде» известия, основанного на ложных и злостных источниках, будто бы, по известиям из Константинополя, «в Грузии произошло возмущение, коего главным виновником почитают одного богатого Татарского князя»: «Скажите, не печально ли видеть, — пишет Грибоедов, — как у нас о том, что полагают происшедшим в народе, нам подвластном, и о происшествии столько значущем, не затрудняются заимствовать известия из иностранных ведомостей, и не обинуясь выдают их по крайней мере

П. Я. ЧААДАЕВ

Рисунок Ж. Вивьена, 1823 г.

Местонахождение оригинала
неизвестно

за правдоподобные, потому что в малейшей отметке не изъявляют сомнения...»

Интересно, что этот допущенный очень важный промах даёт повод Грибоедову вспомнить близкую ему театральную жизнь и обнаруживает, насколько политическая и государственная деятельность была близка у него к театру и литературе. «Возмущение народа не то, что возмущение в театре против дирекции, когда она даёт дурной спектакль: оно отзывается во всех концах империи, сколько, впрочем, ни обширна наша Россия...»

Далее излагается случай, перетолкованный, как возмущение, и говорится о возможных следствиях таких сообщений. Говоря о Персии, Грибоедов пишет: «Российская Империя обхватила пространство земли в трёх частях света. Что не сделает никакого впечатления на Германских её соседей, легко может взволновать сопредельную с нею восточную державу. Англичанин в Персии прочтёт ту же новость, уже выпитую из русских официальных ведомостей, и очень невинно расскажет её кому угодно — в Тавризе или в Тейране. Всякому предоставляю обсудить последствия, которые это за собою повлечь может».

Грибоедов здесь обнаруживает такое понимание значения слухов, выдумок, клеветы, которое одинаково важно при оценке его драмы, художественной и личной; более того — статья, написанная за десять лет до гибели, как бы предвосхищает все основные причины её и даже виновников. Рост, развитие выдумки, которое в первой редакции «Горя от ума» уподоблено росту снежной лавины, здесь излагается так: «А где настоящий источник таких вымыслов? кто первый их выпускает в свет? Какой-нибудь Армянин, недовольный своим торгом в Грузии, приезжает в Царьград и с пасмурным лицом говорит

товарищу, что там плохо дела идут. Приятельское известие передаётся другому, который частный ропот толкует общим целому народу. Третьем не трудно мечтательный ропот превратить в возмущение! Такая догадка скоро приобретает газетную достоверность и доходит до «Гамбургского Корреспондента», от которого ничто не укроется, и у нас привыкли его от доски до доски переводить; так как же не выписать оттуда статью из Константинополя?»

Язвительная ирония дипломата сочетается здесь с полным отсутствием подчёркнутости в языке.

Искусство в анализе роли еле заметных усиления — здесь искусство и дипломата и художника.

Сюжет «Горя от ума», где самое главное — в возникновении и распространении выдумки, клеветы, развивался у Грибоедова каждодневной практикой его дипломатической работы.

III

Однако ни литературного, ни дипломатического поля изучения здесь было недостаточно. Здесь были глубокие впечатления личные, опыт жизненный. Ему самому пришлось прожить целый длительный период своей жизни оклеветанным. Пушкин, встретивший во время путешествия в Арзрум тело Грибоедова, вспомнил именно об этом, из чего можно заключить о роли клеветы в жизни Грибоедова. «Рождённый с честолюбием равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении». Здесь, несомненно, дело идёт о знаменитой четверной дуэли: *partie carrée* Завадовский — Шереметев — Якубович — Грибоедов; первая дуэль (1817) кончилась смертью Шереметева; вторая состоялась в октябре 1818 г.; этот промежуток, вызванный невозможностью драться сразу после убийства Шереметева, а затем ссылкой Якубовича, и вызвал, конечно, выдумку, навет — обвинение в трусости. Как бы то ни было, вынужденный отъезд из Москвы и решительный перелом в жизни больше уж не жившего в Москве Грибоедова — были личные воспоминания, сделавшие «Горе от ума» явлением одновременно драмы и лирики. Вместе с тем причина его изгнания была значительно глубже и шире. Уже в 1820 г. он называет свою жизнь «политическим изгнанием».

Определение Сенковским «Горя от ума», как пьесы «политической», совершенно согласуется с этими словами. Позднее это смелое определение вызвало толки и объяснения, попытки всё свести к 14 декабря 1825 г. и тут же это опровергнуть. Дело, однако, шло о пьесе, написанной задолго до декабрьского восстания; ссылка Сенковского на «Женитьбу Фигаро» придавала слову «политический» смысл, значительно более широкий. Как бы то ни было, уже в 1817 г. Грибоедов пережил лично против себя направленную широчайшую клевету.

Расставание с родиной, последовавшее вслед за этим, было главным жизненным результатом драмы. И таковы слова Чацкого в конце пьесы о родине:

И вот та родина... Нет, в нынешний приезд,
Я вижу, что она мне скоро надоест...

Таков же и знаменитый конец:

Вон из Москвы!

Следует отметить, что в письме к Катенину Грибоедов говорит о клевете, как о выдумке.

IV

Понятие выдумки больше всего сочеталось с историей отставки и гражданской смерти Чаадаева. Самая фамилия Чацкого имела связь именно с фамилией Чаадаев (в правописании Пушкина, отражавшем живую речь, — Чадаев); в первой редакции «Горя от ума» фамилия Чацкий писалась Грибоедовым как Чадский, что непосредственно связано с Чаадаевым. Эта совершенно ясная связь Чацкого с Чаадаевым заставляет на нём остановиться. Это тем любопытнее и значительнее, что характер, тип исторического Чаадаева вовсе не является прототипом Чацкого. Конечно, речь Чацкого о крепостном рабстве — это главная социально-политическая мысль Чаадаева о задержке русского развития из-за рабства, отражающегося на всех отношениях — не только бар и крепостных. Самое же поведение Чацкого, быстро разгорающегося, любящего и обиженного нелюбовью, далеко от известного образа Чаадаева. Единственно, что произвело главное впечатление на Грибоедова, — это отставка Чаадаева и выдумка, клевета, способствовавшая ей. «Выдумка» о Чаадаеве, а затем отставка его были связаны с тем, что именно он был послан к находившемуся на конгрессе в Троппау Александру I с сообщением о волнениях в Семёновском полку, как адъютант корпусного командира Васильчикова.

Д. Свербеев в «Воспоминаниях о П. Я. Чаадаеве» 1856 г. оставил о нём и его взглядах много интересных сведений. Таково его первое воспоминание о Чаадаеве: «Чаадаев был красив собою, отличался не гусарскими, а какими-то английскими, чуть ли даже не байроновскими манерами и имел блистательный успех в тогдашнем петербургском обществе». Говоря об известной храбрости и военных заслугах Чаадаева, Свербеев с самого начала роняет многозначительную фразу о происшествии с Чаадаевым: «Поведение Чаадаева в этом несчастном случае могло иметь некоторое влияние на бывший тогда конгресс в Троппау». И всё же главную причину, перевернувшей, по его словам, всю судьбу Чаадаева и имевшей влияние на всю остальную его жизнь, он считает запоздание, приписывая его туалету: «Чаадаев часто медлил на станциях для своего туалета. Такие привычки опрятности и комфорта были всегда им тщательно соблюдаемы».

Далее говорится о том, что «следствием медленности курьера-джен-тельмена было то, что князь Меттерних узнал о Семёновской истории днём или двумя ранее императора» и т. д. Выдумка Свербеева далее возрастает: Александр запер Чаадаева на ключ, вслед за тем Чаадаев был отставлен и т. д.⁸

Отзвуки сплетен и рассказ о выдумке находим и в рассказе родственника Чаадаева М. Жихарева:

«Васильчиков с донесением к государю отправил туда Чаадаева, не смотря на то, что Чаадаев был младший адъютант и что ехать следовало бы старшему.

Чаадаев, отправляясь в Троппау, получил инструкции, разумеется, от Васильчикова и, сверх того, ещё от графа Милорадовича, бывшего тогда петербургским военным генерал-губернатором.

После свидания с государем, по возвращении из Троппау в Петербург, Чаадаев очень скоро подал в отставку и вышел из службы. Причина такой неожиданной неприятной развязки была будто бы та, что сначала Чаадаев, без нужды мешкая в дороге, в Троппау опоздал. Австрийский курьер, отправившийся к князю Меттерниху, выехал из Петербурга в одно с ним время и поспел прежде. Известие о «Семёновской истории» австрийский министр узнал прежде русского императора. Этого мало. В день приезда своего курьера князь Меттерних обедал вместе с государем, и на его слова, что «в России всё спокойно», довольно резко возразил ничего не знавшему императору: «*exserté une révolte dans un des régiments de la garde impériale*».

Наконец, будто бы и после всего этого Чаадаев очень долго не являлся, занимаясь омовениями, притираниями и переодеваньем в близ лежащей гостинице. Раздражённый государь только что его завидел; вошёл в большой гнев, кричал, сердился, наговорил ему пропасть неприятностей, прогнал его, и обиженный Чаадаев потребовал отставки.

Эту сказку, в продолжение довольно долгого времени, очень, впрочем, укоренившуюся и бывшую в большом ходу, опровергать собственно не стоит. Чаадаев не опаздывал, австрийский курьер прежде его не приезжал, да если бы и приехал и уведомил князя Меттерниха, то есть ли какая-либо возможность предположить, чтобы столь искусный и осторожный дипломат не догадался смолчать до времени про неприятное известие?»

Жихарев довольно подробно восстанавливает обстоятельства свидания Чаадаева с Александром I, прибавляя, что свидание «продолжалось немного более часу».

Родственник-мемуарист отвергает слух, выдумку о туалете Чаадаева и опоздании его, причём воспоминания его напоминают слова Грибоедова по поводу выдумки о сумасшествии Чацкого: «Никто не поверил и все повторяют». Он неоднократно рассказывает в мемуарах о том важном значении, которое Чаадаев придавал своей одежде, и т. д.

Об отставке Чаадаева, навсегда решившей вопрос о его государственной службе и деятельности, Жихарев говорит: «По возвращении в Петербург, чуть ли не по всему гвардейскому корпусу последовал

Грибоедов

1го Января 1823

Ваше письмо получено. Мысль написать вам откровенно
увеличить или уменьшить мои желания этого не могу. Однако
предметы эти совершенно справедливы. Селеный уезд
ни до того, сколько всего ископано? Везде земли, чего
много из Старого, все которого мне чрезвычайно
дорого и дорого; следовательно Пензенский уезд
мне был совершенно от 22го Августа. Везде, где у
меня отныне каковы? Везде почва. На том же
нахождении иудейско? Научно. А. и. С. С. С. С. С.
Сейчас предмет из отныне отныне. Селеный уезд
мне. Селеный уезд отныне. Селеный уезд отныне.
Мне. Селеный уезд отныне. Селеный уезд отныне.
Везде. Селеный уезд отныне. Селеный уезд отныне.
Селеный уезд отныне. Селеный уезд отныне.
Селеный уезд отныне. Селеный уезд отныне.
Селеный уезд отныне. Селеный уезд отныне.
Селеный уезд отныне. Селеный уезд отныне.
Селеный уезд отныне. Селеный уезд отныне.
Селеный уезд отныне. Селеный уезд отныне.
Селеный уезд отныне. Селеный уезд отныне.
Селеный уезд отныне. Селеный уезд отныне.

против него всеобщий, мгновенный взрыв неудовольствия, для чего он принял на себя поездку в Троппау и донесение государю о «Семёновской истории». Ему говорили. — не только не следовало ехать, не только не следовало на поездку набиваться, но должно было её всячески от себя отклонить» и т. д. «Не довольствуясь вовсе ему не подобавшей, совсем для него неприличной поездкой, он сделал ещё больше и хуже: он поехал с тайным приказанием, с секретными инструкциями представить дело государю в таком виде, чтобы правыми казались командир гвардейского корпуса и полковой командир, а вина всю тяжестью пала на корпус офицеров. Стало быть, из честолюбия, из желания поскорее быть государевым адъютантом, он, без всякой другой нужды, решился совершить два преступления, сначала извращая истину, представляя одних более правыми, других более виноватыми, нежели они были, а потом и измену против бывших товарищей. Вдобавок и поведение его в этом случае было самое безрассудное: этим, почти доносом, он кидал нехорошую тень на свою до сих пор безукоризненную репутацию, а получить за него мог только флигель-адъютантство, которое от него, при его известности и отличиях, без того бы не ушло».

Далее этот мемуарист, подробно передающий клевету, принимает роль беспристрастного судьи и кое в чём Чаадаева оправдывает: «В моих понятиях Чаадаеву положительно и безусловно, честно и просто следовало от поездки отказаться». И, наконец, племянник-судья добавляет: «Что вместо того, чтобы от поездки отказываться, он её искал и добивался, для меня также не подлежит сомнению. В этом несчастном случае он уступил прирождённой слабости непомерного тщеславия; я не думаю, чтобы при отъезде его из Петербурга перед его воображением блистали флигель-адъютантские вензеля на эполетах столько, сколько сверкало очарование близкого отношения, короткого разговора, тесного сближения с императором»⁹. Таким образом, Жихарев готов видеть целью этого тщеславия не флигель-адъютантский чин, а «близкое отношение, короткий разговор, тесное сближение» с Александром I, на которое Чаадаев надеялся. И если тщеславие осталось главной побудительной причиной, то племяннику, путём сложной внутренней борьбы, удалось уверить себя в неверности истории запоздания и в более высокой степени чаадаевского тщеславия, чем флигель-адъютантские эполеты. Итак: короткий разговор, тесное сближение с императором. Перед нами человек, близко знавший Чаадаева, человек не чужой.

Остальные свидетельства сводятся, главным образом, к опозданию.

Позднейший историк пишет об этом: «Первое известие было получено государем 29 октября. П. Я. Чаадаев был отправлен только 21-го октября и приехал в Троппау (в Силезии) 30-го. В виду того, что государь уже был извещён донесением Васильчикова от 19-го октября, присланным фельдъегерем, все рассказы о том, что по вине Чаадаева имп. Александр позже Меттерниха узнал об этой истории, оказываются совершенным вздором... К тому же в записках Меттерниха есть прямое известие, что ему это событие сделалось известным только 3-го

ноября (по старому стилю). «Мы получили сегодня, — пишет Меттерних, — известие о вспышке в Семёновском полку. Сегодня ночью прибыло три курьера, один за другим. Тотчас после этого император Александр призвал меня и рассказал всё это приключение». Семевский делает примечание к этому месту: «То, что Меттерних так поздно получил известие от своего посольства, объясняется задержкой иностранных курьеров посредством невыдачи им, в течение одних суток, паспортов по приказанию министра внутренних дел Кочубея. Чаадаев вышел в отставку лишь в феврале 1821 г. отчасти вследствие сплетен и клевет, вызванных его поездкой в Троппау. Васильчиков первоначально уговаривал его остаться на службе и предлагал продолжительный отпуск по 21 февр. 1821 г. Волконский сообщил, что государь получил о Чаадаеве неблагоприятные сведения и велел дать ему отставку без награждения чином (вероятно вследствие того, что было перехвачено его письмо, где он писал, что не находит возможным жить в России)»¹⁰.

Конечно, загадка, породившая выдумку об опоздании, развернувшаяся в клевету, была Жихаревым названа «короткий разговор» с императором — такова была цель поездки Чаадаева — был неизвестен только самый разговор с царём и было непонятно, почему Чаадаев всю жизнь молчал о разговоре. Если сопоставить всё растущее значение личности Чаадаева, интерес к нему Александра I, смысл и значение происшедшего события, поставившего под вопрос всё будущее царя, с докладом о котором он ехал, и «короткий разговор», бывший целью, — легче вообразить, что происшедший разговор, кончившийся несогласием, и объясняет дальнейшее.

Главная мысль Чаадаева — мысль болезненная, страстная — была мысль о рабстве, как об общей причине всех болезней и недостатков России. «Эти рабы, которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающий вас воздух? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нём все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о неё мы все разбиваемся. Вот, что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели. Где человек столь сильный, чтобы в вечном противоречии с самим собою, постоянно думая одно и поступая по другому, он не опротивел самому себе»¹¹.

Что общего было в мысли о рабстве с восстанием Семёновского полка? Однако, восстание произошло против командира, полковника Шварца, немца, именно как введшего в полк приёмы худшего рабства. Позднее, во время допросов, солдаты показали, что «былиотягощены полковым командиром, не имели покоя ни в будни, ни в праздники». Одевание и чистка аммуниции были главным пунктом придинок полковника Шварца. «Его требовательность относительно безукоризненной чистоты и исправности повела к тому, что солдатам мно-

Горя от ума

Горя от ума

Въ Троицкой Девичьей школы.

Составил П. Зубовичевъ.

1825^г Июль. № 16^н Дн.
П. Зубовичевъ

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ОДНОГО ИЗ РАННИХ СПИСКОВ «ГОРЯ ОТ УМА»

Исторический музей, Москва

гие вещи пришлось покупать на собственные деньги... Кроме тяжести для солдат затрат на улучшение обмундирования, которых они вовсе не обязаны были делать, они подвергались ещё жестоким наказаниям... Командир бил солдат собственноручно, дёргал их за усы, по словам некоторых из них, даже иногда вырывал их... Один рядовой по приказанию Шварца был наказан в дворцовом манеже фухтелями (тесаками, плашмя) за то, что кашлял во фронте». Восстание Семёновского полка произошло против полного уравниения военного строя с крепостным рабством.

Вызванное немцем Шварцем, введившим в русскую армию приёмы и порядки рабства, оно с огромной силой поставило перед русским обществом вопрос о национальной культуре, о национальных задачах искусства. Это отразилось в «Горе от ума». Чацкий желает,

Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.

Самостоятельность, самобытность русской художественной речи становилась главной задачей.

Можно предположить, что Чаадаев стремился к встрече с царём и к докладу ему о происшедшем восстании именно потому, что оно было вызвано порядками рабства, введённого в полк. Неприятность встречи с царём и доклада ему была слишком очевидна. Именно к этому времени относятся надежды на решающую роль императора Александра в уничтожении рабства. Н. И. Тургенев составил в конце 1819 г., по предложению Милорадовича, для представления царю, записку «Нечто о крепостном состоянии»¹². В этой записке Тургенев писал: «Всякое распространение политических прав дворянства было бы неминуемо сопряжено с пагубой для крестьян, в крепостном состоянии находящихся. В сем то смысле власть самодержавия есть якорь спасения для отечества нашего. От неё — и от неё одной мы можем надеяться на освобождение наших братьев от рабства, столь же несправедливого, сколь и бесполезного. Грешно помышлять о политической свободе там, где миллионы не знают даже и свободы естественной». Таким образом, доклад царю (кстати, отъезд Чаадаева состоялся после свидания с тем же Милорадовичем), который вёз Чаадаев, был совершенно естественным в то время средством для короткого разговора о рабстве. Возможность этого короткого разговора вовсе не случайна. В основу этого могла быть положена уже изготовленная Н. И. Тургеневым по предложению Милорадовича записка о рабстве для представления царю.

Кстати, в свете чаадаевских мыслей о рабстве другое значение приобретает облюбованный выдумкой мотив «туалета», из-за которого Чаадаев будто бы опоздал: он признавал одежду и порядок в ней важными не из франтовства, а как противоположность рабским привычкам.

Ненависть к рабству была общей чертой Чаадаева и Грибоедова. Несомненно, она была и явной основой отношений Грибоедова к тайным обществам. По поводу кратковременного ареста после декабря

1825 г. сохранилась стихотворная заметка Грибоедова, показывающая главную роль в его политической жизни вопроса о рабстве:

По духу времени и вкусу
Я ненавижу слово: раб.
Меня позвали в главный штаб
И притянули к Иисусу.

При допросах в Главном штабе значительную роль играло «Горе от ума». На указание о связи комедии с декабристской идеологией Грибоедов отвечал противоположно. Репетитов, как представитель ходового, приподнятого, комического, был среди его доказательств.

Катастрофа с Чаадаевым произошла в октябре-ноябре 1820 г., вынужденная отставка — 21 февраля 1821 г., начало работы над «Горем от ума» — декабрь 1821 г.

Катастрофа с Чаадаевым, разыгравшаяся при главе европейской реакции Меттернихе, вовсе не была частной, личной. Это была катастрофа целого поколения. Быстрый рост слухов, выдумок, их клеветническое заострение, выбор при выдумке самого мизерного, бытового факта (запоздание из-за туалета), разросшегося, как снеговой ком, наконец, катастрофа, стремление Чаадаева уехать из России — всё это не было прошедшим мимо Грибоедова и второстепенным фактом. Это легло в основу — лирическим волнением, значительностью бытовых сцен.

Государственная значительность частной личности отразилась на Чацком, и эта черта, несомненно, идёт от Чаадаева, от его несбывшегося громадного влияния на дела государственные, от его влиятельности и связей с важнейшими лицами, например, корпусным командиром Васильчиковым. Молчалин говорит о Чацком:

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Быстрое возвышение и внезапный разрыв — характерные черты карьеры Чаадаева. Жихарев рассказывает о личной заинтересованности Чаадаевым Александра I.

Одно из центральных выступлений Чацкого — о крепостном праве — тоже напоминает одно из убеждений Чаадаева, доходившее до болезненной настойчивости, — о гибельности рабства для России.

Между тем, общие слухи о чаадаевской истории, а также о каком-то отношении, какой-то связи «Горя от ума» (ещё в старом смысле «комедии») с личностью Чаадаева широко распространились.

5 апреля 1823 г. Пушкин, из кишинёвской ссылки, пишет Вяземскому «Говорят, что Чедаев едет за границу — давно бы так», а между 4 и 11 ноября тревожно спрашивает его же: «Что такое Грибоедов. Мне сказывали, что он написал комедию на Чедаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны».

«Написал комедию на Чедаева» — выражение, вполне уместное о комедии до Грибоедова. Пушкин помнил комедии Шаховского, именно написанные «на Карамзина», «на Жуковского». Станный и вряд ли

случайно перекликающийся с «Горем от ума» эпизод произошёл только в 1836 г.: после напечатания Чаадаевым «Философического письма» он был объявлен сумасшедшим. Наказание было исключительное, но не беспрецедентное, а осуществление его было фактом не только моральным. В 1834 г. был объявлен сумасшедшим француз, казанский профессор Жобар. Вслед за этим он был приговорён к изгнанию. Дело вёл с большим шумом Уваров, втянувший в него множество лиц. Так, способствовал объявлению его сумасшедшим и изгнанию почтенный казанский профессор, медик Фукс, знакомый с Пушкиным, которому это дело впоследствии вспоминали. Дело Чаадаева носило характер политический, с изъятием всех бумаг, допросами и т. д.

«Замешанным» боялся оказаться даже А. И. Тургенев (как брат декабриста-эмигранта Н. И. Тургенева). Реальные формы наказания были не только «моральные» (Тургенев высказал опасение, что от визитов врача и т. п. Чаадаев действительно помешался). Тургенев писал 2 ноября 1836 г.: «Доктор приезжает наведываться о его официальной болезни. Он должен был совершить какой-то раздел с братом: сумасшедший этого не может»¹³.

V

Открытием Грибоедова была речевая жизненность действующих лиц. Пушкин, прочтя в 1825 г. его пьесу, в этом убедился. Возражая против типичности Репетилова («В нём 2, 3, 10 характеров»), он раз и навсегда покончил с исключительно лирической, автобиографической трактовкой Чацкого, указав на то, что перед нами «ученик Грибоедова», «напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями». «Всё, что говорит он — очень умно. Но кому говорит он всё это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непροститительно». Пушкин указывает на центральную сцену в пьесе, на самую смелую новизну во всей новой для театра и литературы пьесе. Конец III действия совершенно менял трактовку комедии вообще и главного лица в ней, в частности. Горячий сатирический монолог Чацкого о «французике из Бордо» является одним из идейных центров пьесы. Этот монолог обрывается следующим образом:

И в Петербурге, и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей, по несчастью, голове
Пять, шесть найдётся мыслей здравых,
И он осмелится их гласно объявлять,
Глядь...

(Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам).

Конец третьего действия.

Центр комедии — в комичности положения самого Чацкого, и здесь комичность является средством трагического, а комедия — видом траге-

дии. Пушкин необыкновенно ясно увидел эту черту Чацкого. И здесь был жизненный переход в изучениях Грибоедова от Чаадаева к Кюхельбекеру, у которого была «этих особенностей бездна». Это центральное место комедии, несомненно, связано с судьбой, положением уже не Чаадаева, а этого друга Грибоедова, который попал в Тифлис, как Чацкий в Москву, — после Западной Европы.

Положительно напоминает Кюхельбекера, а главное — тогдашнее отношение общества к нему, от которого Кюхельбекер бежал в Тифлис к Грибоедову, следующая сцена:

Софья.

Хотите-ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Весёлость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острога готова,
А сами вы...

Чацкий.

Я сам? не правда-ли смешон?

Софья.

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна,
А над собой гроза куда небесполезна.

Чацкий.

Я странен? А не странен кто-ж?
Тот, кто на всех глупцов похож...

Эта черта фотографически близка к Кюхельбекеру. Странность, притом смешная, грозный взгляд и резкий тон и даже «эти особенности» близки к Кюхельбекеру, и толкам вокруг него.

Этим можно было бы ограничиться, если бы не сугубая близость положений и некоторые особенные моменты биографии Кюхельбекера, который был свидетелем создания «Горя от ума». В 1833 г., в Свеаборгской крепости, Кюхельбекер, возражая М. Дмитриеву и другим критикам по поводу их «предательских похвал удачным портретам», видя совсем не в этом главное, писал: «Очень понимаю, что они хотели сказать, но знаю (и знать это я очень могу, потому что Грибоедов писал «Горе от ума» почти при мне, по крайней мере, мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано), знаю, что поэт никогда не был намерен писать подобные портреты»¹⁴. Эта роль Кюхельбекера, роль близкого и первого слушателя — сразу по мере готовности каждого явления — избавляет от необходимости называть порознь источники тех характерных мест, которые в полной совокупности объясняются личностью Кюхельбекера. Так, например, именно жизненными обстоятельствами и значением Кюхельбекера для всех названных школ и учреждений, а этих, всем

известных школ и учреждений — для жизни Кюхельбекера, следует объяснить источник разговора Хлэстовой и княгини:

Хлэстова.

И впрямь с ума сойдёшь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их.
Да от ланкаргочных взаимных обучений.

Княгиня.

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут;
Там упражняются в расколах и в безверья
Профессоры!

Здесь дан полный и точный список учебных заведений, в которых учился и преподавал Кюхельбекер, и названо общество, секретарём которого он был. Всё это было жизненно с ним связано. Он окончил в 1817 г. Царкосельский лицей, был одним из главных профессоров Педагогического института и воспитателей его пансиона, должен был подать в отставку перед отъездом за границу; был одним из самых горячих деятелей, секретарём «С.-Петербургского общества учреждения училищ взаимного обучения по методе Бэля и Ланкастера», управлявшегося членами Союза благоденствия.

Были и живые впечатления общения с Кюхельбекером, отразившиеся в пьесе (Кюхельбекер был и при окончании пьесы, и его бурные столкновения с обществом не прошли без следа для многих страниц пьесы). Таков, например, был донос профессора И. И. Давыдова на Кюхельбекера в Москве, в 1823 г., по поводу того, что воспитанница женского пансиона, в котором преподавал в Москве находившийся без средств к жизни Кюхельбекер, ответила на экзамене на вопрос, чем отличается человек от остальных творений, — только даром речи, — что, несомненно, было недостаточно с точки зрения закона божия. Донос профессора Давыдова грозил запрещением только что разрешённого журнала «Мнемозина», запрещением преподавать и высылкой.

В знаменитой речи Чацкого «А судьи кто» есть место, несомненно относящееся к Кюхельбекеру, вернее и уже — к этому эпизоду его жизни:

Или в душе его сам Бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным,
Они тотчас: — разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!

Конечно, здесь Грибоедов думал о Кюхельбекере, которому как раз в это время грозил профессор Давыдов. Между тем, Кюхельбекер в 1821 г. писал в стихотворении «Грибоедову»:

Певец! тебе даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье тихое и светлая любовь,
Святые таинства высокого искусства...

Однако, роль Кюхельбекера в создании пьесы, проходившем в его обществе, была значительно глубже. Недаром Кюхельбекер писал о

«завязке»: «...Вся завязка состоит в противоположности Чацкого прочим лицам: тут, точно, нет никаких намерений, которых одни желают достигнуть, которым другие противятся, нет борьбы выгод, нет того, что в драматургии называется интригой. Дан Чацкий, даны прочие характеры, они сведены вместе, и показано, какова непременно должна

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ИЗДАНИЯ «ГОРЯ ОТ УМА» С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ
П. СОКОЛОВА. 1866 г.

быть встреча этих антиподов, — и только. Это очень просто, но в сей то именно простоте — новость, смелость, величие того поэтического соображения, которого не поняли ни противники Грибоедова, ни его неловкие защитники»¹⁵. И о простоте поэтического сюжета Кюхельбекер писал, понимая и зная больше, чем критика.

Кюхельбекер путешествовал по Западной Европе с сентября 1820 г. до августа 1821 г., а в сентябре уже принуждён был уехать в Тифлис. Таким образом, свидетель создания и первый слушатель «Горя от ума» прибыл к Грибоедову из Европы, как прибывает Чацкий. В статье о

путешествии Кюхельбекера по Западной Европе я изложил сведения о роли Кюхельбекера, как пропагандиста на Западе русской литературы¹⁶.

Впечатления от личности Кюхельбекера, от преследований и слухов вокруг него — это вовсе не главная его роль в создании «Горя от ума».

Он прибыл в Тифлис почти непосредственно из Западной Европы 6 сентября 1821 г. Тургенев писал Вяземскому (оба принимали деятельное участие в устройстве судьбы Кюхельбекера): «Государь знал всё о нём; полагал его в Греции»¹⁷. Царь не только интересовался деятельностью Кюхельбекера за границей, не только был осведомлён о нём («знал все о нём»), но и «полагал его в Греции». Последняя фраза показывает, как далеко зашли предварительные шаги Кюхельбекера по отъезду в Грецию. Еще яснее показывают это стихотворения Кюхельбекера. Таково стихотворение «К друзьям на Рейне», последние строфы которого становятся понятны только в том случае, если стихотворение было написано после решения принять участие в борьбе греков за независимость:

Иль меня на поле славы
 Ждёт неотразимый рок,
 ...Да паду же за свободу,
 За любовь души моей.
 Жертва славному народу.
 Гордость плачущих друзей!..

Уже очень рано это было связано с Байроном, его личностью, его политической борьбой, его творчеством. Личная биография Байрона была широко известна, занимала весь мир. В 1816 г. разыгралось громкое дело с его разводом. Преследование общественного мнения Британии было таково, что в 1816 г. последовал отъезд Байрона из Англии (в Италию). В 1820 г. он обращается в лондонский греческий комитет (Бентам, Гобгауз и др.) о помощи Греции и избирается его членом.

Личная драма Байрона, о которой, конечно, говорил Грибоедов, по неизвестным причинам не смогла быть в Греции и принять участие в войне греков за независимость, — эта личная, биографическая драма Байрона имеет для Грибоедова особое значение. У нас более или менее подробно изучен «байронизм» Пушкина. При полной неизученности Грибоедова как биографической, так и историко-литературной, вопрос об отношении к Байрону Грибоедова освещён крайне слабо. Между тем, изучение его необходимо. Биография Грибоедова, самый характер его, раскрывающийся в ряде известных рассказов (например, в рассказе об отношении к малоизвестному драматургу Иванову), указывают на несомненное родство с Байроном. Насыщенность русскою жизнью, сугубо русское, патриотическое понимание всех литературных вопросов — а уже подавно и исторических — у Грибоедова не снимает вопроса о родстве обоих поэтов, вопроса о байроновских моментах в «Горе

от ума». Грибоедов как бы предупреждает ответ на этот вопрос Лермонтова во многом ему родственного:

Нет, я не Байрон, я другой,
Ещё неведомый изгнанник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

«Поэзия политики» — выражение Байрона.

«Горе от ума» — комедия политическая», — писал Сенковский.

Насколько Грибоедов, его творческая личность возбуждала вопрос о Байроне, ясно, например, из оставшихся до сих пор неизвестными от-

ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К «ГОРЮ ОТ УМА»

Фамусов и Лиза

Рисунок П. Соколова, 1860-е гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

ношений к Грибоедову переводчика и гласного подражателя Байрону Теплякова. Тепляков, имевший отношения с Чаадаевым, приезжает в Тифлис для присутствия на свадьбе Грибоедова. Стихотворение Теплякова о свадьбе Грибоедова, а также стихотворение Теплякова, прямо обращенное к Грибоедову — страница отношений Грибоедова к Байрону.

Таким образом, личность Байрона, его политическая и общественная деятельность, и, прежде всего, борьба с ним «общественного мнения» —

вот что было самыми волнующими сведениями, привезёнными Кюхельбекером, которого царь «полагал в Греции».

Кюхельбекер в Тифлисе, уже подружившийся с Грибоедовым, пишет пламенные стихи о греческих событиях, не оставляющие сомнения в том, что Греция и её судьба продолжали для него быть одним из наиболее волнующих вопросов. Кстати, как далеко зашёл Кюхельбекер в своих намерениях проникнуть в Грецию и бороться за её независимость, а также как подробно знал он о Байроне, видно хотя бы из того, что в III части «Ижорского» (1841) Кюхельбекер подробно изобразил войну греков за независимость... Одним из действующих лиц является у него Никита Боцарис, один из вождей восстания, другим — Каподистрия, президент Греции, третьим, наконец, — Травельней, привезший Байрону сообщение об избрании его членом греческого «комитета», а затем сопровождавший его в Грецию, где он и был до самой смерти Байрона. В 1820—1821 гг. Кюхельбекер, желавший сражаться в Греции и, видимо, предпринявший шаги для осуществления своего намерения, знал, конечно, об эллинской деятельности Байрона, но при этом он знал и о личной трагедии Байрона, обстоятельствах разрыва его с Англией.

Личная трагедия Байрона, клевета вокруг его развода и эмиграция из родной страны — всё это имело глубокие корни, одновременно личные, общественные, политические. История Байрона стала драмой всей молодой творческой Европы. Обстоятельства личной трагедии и история клеветы, густо и разнообразно развившейся вокруг, были следующие. Байрон был женат. 10 декабря 1815 г. у него родилась дочь. Между супругами всё время, начиная с самого венчания, росли непонимание и холодность. 6 января 1816 г. лэди Байрон уехала к родителям. Seffresen утверждал, что Байрон в это время пил опий, и этим объяснял «маниакальное поведение» Байрона. Доктор Baillie рекомендовал, как опыт по отношению к маниаку, — отъезд жены. Он предполагал, по жалобам жены Байрона, его «умственное расстройство». Начинаются советы жены и её родителей с врачами по поводу умственного здоровья Байрона. Лэди Байрон и её родители решили: если Байрон душевнобольной, надо приложить все старания, чтобы его лечить. Но если он здоров, единственное, что остаётся, — развод. Консультация врачей гласила, что говорить о душевной болезни Байрона оснований нет. В январе 1817 г. слухи о сумасшествии Байрона широко распространялись женой поэта, её родителями и близкими, начиная с отъезда лэди Байрон к родителям. Клевета и шум вокруг его личной жизни привели к открытой войне общества против поэта. О личной судьбе Байрона заговорила вся Европа. Интересовалось ею, разумеется и русское общество. Репетиллов на собраниях «секретнейшего союза» говорит

О Байроне, ну, о матерях важных.

В журналах, начиная с 1820 г., писалось не только о поэзии Байрона, всех волновавшей, но и о личной жизни поэта и о той борьбе, ко-

торая велась вокруг него в обществе Англии. «Он должен был, как говорит сам, бороться один со всеми»¹⁸.

Это как нельзя более напоминает изложение сюжета «Горя от ума» в письме Грибоедова Катенину. Сюжетная вершина: выдумка о су-м а с ш е с т в и и Ч а ц к о г о; слух, который идёт по всему обществу, возникновение этого слуха от любимой женщины — всё это в «Горе от ума» очень близко напоминает личную драму Байрона. Есть в со-

ИЗ ИЛЛУСТРАЦИЙ К «ГОРЮ ОТ УМА»

Софья и Лиза

Рисунок П. Соколова, 1860-е гг.

Местонахождение оригинала неизвестно

ставе комедии даже некоторые нестертые следы, подтверждающие наши соображения. Такова фамилия «Фамусов». Фамилии в «Горе от ума» смысловые, идущие от старинной комедии: Молчалин, Скалозуб. Ф а м у с о в обычно объясняется, как фамилия, происходящая от латинского слова «fama» — молва. Однако, произвести фамилию Фамусов от «fama» не так-то просто. Основа фамилии вовсе не фама, что могло бы дать только Фамин. Фамилия Фамусов произведена от слова «фамус», т. е. графической передачи английского слова «famous» — знаменитый, известный, пресловутый. «Известный» — это самый ходкий эпитет видного, выдающегося человека в фамусовском кругу. Так, Фамусов говорит Чацкому о Скалозубе: «Известный человек, солидный».

В этом происхождении фамилии Фамусов — тот же нестёршийся след. Вообще фамилии «Горя от ума» не только смысловые, но они являются равноправными словами, связанными с главной, характерной чертой персонажа. Так, Чацкий описывает нового человека изменившегося московского общества:

Явиться по молчать, пошаркать, пообедать;

это — производное от имени и образа Молчалина. Подобно этому смысл фамилии «Фамусов» повторяется. Молчалин говорит о Татьяне Юрьевне:

Татьяна Юрьевна! Известная — притом
Чиновные и должностные
Все ей друзья и все родные.

Таков нестёршийся след истории с Байроном, его разрывом с английским обществом в стиле, языке комедии. Однако, не в этом нестёршемся следе возникновения первых отправных пунктов пьесы — значение указанного. Становятся гораздо яснее горькие слова Чацкого в последнем действии после того, как он обнаружил выдумку о его сумасшествии:

И вот та родина... Нет, в нынешний приезд,
Я вижу, что она мне скоро надоест.

И знаменитые последние слова:

Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!
Карету мне, карету!

Здесь не скоропроходящая размолвка со старою Москвою, не маленькая, местная комедия с местной сюжетной основой.

Достоевский несправедливо писал о «Горе от ума»: «Комедия Грибоедова гениальна, но сбивчива:

«Пойду искать по свету...»

т. е. где? Ведь у него только и свету, что в его окошке, у Московского хорошего круга — не к народу же он пойдёт. А так как Московские его отвергли, то значит «свет» означает здесь Европу. За границу хочет бежать»¹⁹.

Пушкин писал о «Горе от ума», зная, что Чацкий не Грибоедов, и прежде всего зная Грибоедова. От него не ускользнул комизм положения Чацкого: «Но кому он это говорит?»

Позднее поэтическая конкретность этой сценической поэмы стала главным, преобладающим качеством, а лирическая сила Чацкого повела к тому, что грань между создателем и героем стёрлась. Достоевский говорит о Чацком, как о Грибоедове. Так, страстные речи Чацкого о народе не мешают Достоевскому решить: «не к народу же он пойдёт». Это говорится нето о Чацком, нето о Грибоедове. То же и о «московских хорошего круга». Петербург не существовал для Грибоедова.

ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ
К «ГОРЮ ОТ УМА»
Фамусов

Рисунок П. Соколова в издании 1866 г.

Город чиновников, цензоров, дворца не решал ни единого грибоедовского вопроса. В 1819 г., во время поездки по Грузии, Грибоедов разговаривал с переводчиком Шемир-Бекем. Путешественники ехали по реке Храме. «Вид на мост великолепный. Я принуждён был ему признаться, что Петербург ничего такого не вмещает, как он впрочем ни красив и ни великолепен. «Представьте», сказал он мне, «восемь раз побывать в Персии и не видеть Петербурга, это не ужасно ли». «Не той дорогой мы взяли» — отвечал я ему».

Грибоедов взял не той дорогой.

Осудив людей своего круга, как «повреждённый класс полувевропейцев», Грибоедов должен был обратиться именно к народу.

Государственный человек, государственный мыслитель, деятель, каким был Чаадаев, сказывается, например, у Чацкого в разговоре с Софьей в III действии. Разговор с Софьей — «дипломатический». Чацкий, желая узнать правду об отношениях Софьи с Молчалиным, при т в о р я е т с я, что Молчалин для него неясен, так как за три года мог измениться:

Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов;
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иной по армии, иной плохим поэтом,
Иной... боюсь назвать, но признаны всем светом,
Особенно в последние года.

Реплика о «превращениях», т. е. изменчивости, изменениях, прежде всего — в оценке и мнениях начинается с мысли об изменении «правлений».

Эта мысль о государственных явлениях, об изменениях («превращениях») правлений, которая является в интимном разговоре, подчёркивает значение всей личной драмы Чацкий — Софья. Несложная лирическая драма отношений складывается на фоне больших событий общественных, государственных. «Превращения» совершаются в комедии в связи, в зависимости от этих превращений, на сцене невидимых, как в классической трагедии главные события происходят вне сцены. Что означает это превращение, это внезапное появление у героев пьесы черт совсем другого характера?

Действующие лица — все — перестали быть портретами. Это была черта уже отошедшей комедии — таково было творчество Шаховского. Но они и не только характеры. Белинский в статье о «Горе от ума» отметил поразительные места: речь Фамусова вдруг начинает в одном месте напоминать Чацкого: «Это говорит не Фамусов, а Чацкий устами Фамусова, и это не монолог, а эпиграмма на общество. Мало того, сам Скалозуб острит, да ещё как — точь в точь как Чацкий». Белинский говорит о Лизе, что она отвечает эпиграммою, которая сделала бы честь остроумию самого Чацкого»²⁰.

Над действующими лицами властвует целое. Ни характеры, ни типы, но гораздо более тонкие элементы превращений, и з м е н е н и й — вот, что в героях этой комедии является главным, в развитии её. Пушкин писал о Репетилове: «В нём два, три, десять характеров». Сюжетные изменения, «превращения» в комедии оценок, самых действующих лиц диктуются более значительными «превращениями», в комедии не данными.

Самая пьеса как бы написана во время таких «превращений», отсюда её беспредметная тревога.

Героическая война 1812 г., в которой Грибоедов принимал участие, прошла, её ближайшие задачи кончились. Ожидания, что в ответ на подвиги народа последует падение рабства, не сбылись. Наступило «превращение». Деловой, вкрадчивый, робкий Молчалин уже появился на смену героям 1812 г. Лучше всего эту смену рисует образ близкого друга Чацкого Платона Михайловича. Его жена Наталья Дмитриевна, которая, судя по началу её встречи с Чацким, была с ним близка, состоит при муже охранительницей здоровья. Он её работник, подчинившийся требованиям послевоенной эпохи:

Нет, есть таки занятья,
На флейте я твержу дуэт
А-мольный...

Чацкий.

Что твердил назад тому пять лет?

Эти заботы о здоровье, мелочные, нарочитые, подчинили его. Чацкий — представитель поколения, не согласный на это подчинение дамам. Да и сам Платон Михайлович отлично понимает, что такое власть женщин — дам в Москве. Платон Михайлович говорит Загорецкому:

Прочь!

Поди ты к женщинам, лги им и их морочь.

Жена старого друга, Платона Михайловича, — верная единомышленница и приятельница Софьи. Ложные заботы о здоровье Платона Михайловича, которым якобы он очень слаб — заботы, за которые он платит забвением всех старых склонностей и прежних мужественных вкусов и привычек. «Теперь, брат, и я не тот», — признаётся старый друг.

Софья Павловна приручает вкрадчивого и «робкого» Молчалина, приучая его, нового, делающего карьеру через угождение и послушание к женщинам, к особенному подчинению в любви.

ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К «ГОРЮ ОТ УМА»

Гости на балу у Фамусова

Рисунок П. Соколова в издании 1866 г.

У её любви есть своя поэзия. По этой поэтической, ложной картине её любви Молчалин, вкрадчивый и умный, но робкий, делец и бюрократ, начинает свою карьеру, которой предстоит, конечно, блестящее будущее (недаром Салтыков выводит его позднее видным и преуспевающим чиновником). Этот делец в I действии является во сне Софьи страдающим. Он беден, его «мучат».

...И мучили сидевшего со мной

...И вкрадчив, и умен,

Но робок... Знаете, кто в бедности рожден..

Софья Павловна начала приручать Молчалина (которого «мучат» — параллель нездоровью здорового Платона Михайловича). Этот женский режим, которому подчинены персонажи «Горя от ума», многое поясняет. Самодержавие было долгие годы женским. Даже Александр I считался ещё с «властью» матери. Грибоедов знал, как дипломат, какое влияние оказывает женщина при персидском дворе.

Очень реальны отношения Молчалина к Софье. На деле — притворная любовь служащего «в угодность дочери такого человека» и реальные мучения от режима сдержанности, к которой он принуждается во время насильных наслаждений музыкой, которой он не понимает. У Софьи Павловны своя система воспитания будущего мужа, из тех, о которых Чацкий говорит:

Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей,
Высокий идеал московских всех мужей.

Она н а ч а л а приручать. Наталья Дмитриевна упоена своею властью. Язык её — одно из открытий Грибоедова, предваряющее язык прозы XX века:

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка. Попощь, что так уныло?
(целует мужа в лоб)
Признайся, весело у Фамусовых было!

Полное родство Натальи Дмитриевны, которая занимается нездоровьем здорового мужа, с Софьей Павловной, которая насильно воспитывает музыкой, очевидно.

Мёртвая пауза в царствование Александра I после Отечественной войны 1812 г., когда ожидали ответа на победу героического народа, в первую очередь — уничтожением рабства, заполнялась в Москве подобием женской власти.

В мёртвую паузу общества и государства эта «женская власть» имела свою иерархию. Молчалин говорит о Татьяне Юрьевне, которая, вояжировав из Петербурга, рассказывала про связи Чацкого с министрами, потом про его разрыв. Влияние женщин в разговоре Молчалина с Чацким вырастает в полное подобие женской власти, самой высокой:

Чиновные и должностные
Все ей друзья и все родные.

Чацкий, который едет к женщинам не за покровительством, уже непонятен.

Действующие лица комедии, обладающие влиянием на всю жизнь и деятельность, обладающие властью, — женщины, умелые светские женщины. Порочный мир императора Александра, не уничтожившего рабства народа, одержавшего историческую победу в Отечественную войну 1812 г. — этот мир проводится в жизнь Софьей Павловной и Натальей Дмитриевной. И если Софья Павловна воспитывает для будущих дел Молчалина, то Наталья Дмитриевна, сделавшая друга Чацкого, Платона Михайловича Горичева, своим «работником» на балах, преувеличенными, ложными заботами о его здоровье уничтожает самую мысль о возможности военной деятельности, когда она понадобится. Так готовятся новые кадры бюрократии.

Женская власть Натальи Дмитриевны ведёт к физическому ослаблению мужа, пусть кажущемуся, ложному, но ставшему бытом,

отправной его точкой. Чацкий — за настоящую мужскую крепость и деятельность.

Движенья более. В деревню, в теплый край...
 Не в прошлом ли году, в конце,
 В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
 И носишься на борзом жеребце;
 Осенний ветер дуй хоть спереди, хоть с тыла...

Это напоминает прежде всего заботы о физическом здоровье, о мужественном быте людей 1812 года — ср. заботы о купанье войска у Кульнева, заботы о всадниках лёгкой артиллерии Дорохова. Скалозуб — это падение военного человека в мёртвую паузу русского государства 1812—1825 гг.

Не в прошлом ли году... в полку тебя я знал? —

Этот вопрос в видимом противоречии с тем, что Чацкий отсутствовал три года. По отношению к комедии принято положение о точности. Эта точность не имеет общего с характером комедии. Комедия, которая давно называлась драматической поэмой, поставила перед драмой те новые вопросы, новые проявления в драме «превращений» (изменений), которые по-новому ставят вопрос о целом. Белинский первый обнаружил их в речах Фамусова, Лизы — Чацкого. Новое построение драмы требовало большой силы и выразительности в каждый данный момент. Мелочность в «точном» — ошибка.

ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К «ГОРЮ ОТ УМА»
 Фамусов

Рисунок В. Масюгина в берлинском
 издании 1923 г.

Мелочность, ложная точность, установившаяся в отношении «Горя от ума», помешала разглядеть важнейшие черты не только сюжета, но и героев. Чацкий в итоге театральных воплощений потерял конкретные черты, сохранив только лирические. Между тем в III действии происходит разговор Чацкого с Платоном Михайловичем, старым его товарищем по войне.

В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб?

Это сугубо воинский, армейский разговор. «Обер» — старший: обер-капрал — старший капрал, обер-секретарь — старший секретарь; штаб-офицер — военный чиновник, имеющий чин майора, подполковника или полковника. Такие точные военные термины очень верно рисуют время и личность. Разговор с Платоном Михайловичем — это разговор военных людей 1812 года.

Чацкий не только восстаёт против превращения старого военного, боевого товарища в инвалида без болезни, в «работника» жены на балах. Он даже точно вспоминает военное прошлое. Победы 1812 года были ещё недавним прошлым. Пауза в государстве вызывает архаическое по своей сущности и значению подобие «женской власти».

Грибоедов был человек двенадцатого года «по духу времени и вкусу». В общественной жизни для него был уже возможен декабрь 1825 г. Он относился с лирическим сожалением к падшему Платону Михайловичу, с авторской враждебностью к Софье Павловне, со смехом учителя театра и поэта, чующего будущее, — к Репетилову, с личной, автобиографической враждой к той Москве, которая была для него тем, чем была старая Англия для Байрона.

Грибоедов, едва достигнув 18-летнего возраста, участвует в Отечественной войне 1812 г. В комедии с особой силой дан послевоенный равнодушный карьеризм. Удачливый карьерист нового типа Скалозуб дан уже самой фамилией. Однако, неразборчивое посмеиванье имеет характер совершенно определённый. Скалозуб говорит о путях карьеры. Самым выгодным оказывается пользоваться выгодами, предоставляемыми самой войной: «Иные, смотришь, перебиты». Преступность скалозубовского карьеризма, основанного на потерях армии, очевидна. Пылкий восторг перед удачливостью его со стороны Фамусова, смотрящего на него, как на желанного зятя, более даже важен, чем борьба Фамусова с Чацким. Предупреждение о Скалозубе, как о главном военном персонаже эпохи, было одним из главных выступлений в политической комедии.

Беспредметное, полное равнодушие ко всему, кроме собственной карьеры, посмеиванье и шутки шутника Скалозуба — самое ненавистное для сатиры Грибоедова, как позже были ненавистны любители смешного и писатели по смешной части Салтыкову.

По Скалозубу, «чтобы чины добыть, есть многие каналы». И здесь назван один «канал» этого удачника, который носит имя по щедрости шуток, по той беспредельной шутливости, которая без разбора отличает новый «полк шутов»: «Шутить и он горазд, ведь нынче кто не

ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К «ГОРЮ ОТ УМА»
Софья

Рисунок В. Масютина в берлинском
издании 1923 г.

шутит» (Лиза), шутливости, которая враждебнее всего шуткам Чацкого, так как стремится подменить их собою. Этот канал «чтоб чины добыть» — «иные, смотришь, перебиты». Преступное довольство выгодностью смерти. От преступности этому шутнику недалеко, как этой комедии до драмы.

Фигура Скалозуба в «Горе от ума» предсказывает гибель николаевского военного режима.

«Горе от ума» — комедия о том времени, о безвременье, о женской власти и мужском упадке, о великом историческом вековом счёте за героическую народную войну: на свободу крестьян, на великую национальную культуру, на военную мощь русского народа — счёте непоплаченном и приведшем к декабрю 1825 г.

Быстрое забвение главного в развитии времени затемнялось в изучении пьесы ложной точностью, касавшейся действующих лиц, и повело к полному непониманию пьесы, о котором писали уже в 1875 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Горе от ума. Комедия в четырёх действиях, в стихах А. С. Грибоедова. Редакция полного текста, примечания и объяснения составлены И. Д. Гарусовым. СПб. 1875, с. 51.

² Письмо к П. В. Анненкову от 12 ноября 1853 г., — М. Щепкин, Михаил Семёнович Щепкин. 1788—1853. Записки его, письма, рассказы, материалы для биографии и родословная, СПб. 1914, с. 183.

³ «Библиотека для чтения» 1834, т. I, № 1, отд. VI, с. 43.

- ⁴ «Письма П. А. Вяземского В. А. Жуковскому», СПб, 1893, с. 313.
- ⁵ «Русская Старина» 1874, VII, с. 277—278.
- ⁶ Н. Греч, Записки о моей жизни, 1930, с. 488.
- ⁷ Ю. Тынянов, Архаисты и новаторы, 1929, с. 87—228.
- ⁸ Д. Свербеев, Воспоминания о Чаадаеве, — «Русский Архив» 1868, с. 976 сл.
- ⁹ М. Жихарев, К биографии П. Я. Чаадаева, — «Вестник Европы» 1871, № 7—9.
- ¹⁰ В. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, 1909, с. 149—150.
- ¹¹ П. Чаадаев, Сочинения и письма, т. I, с. 248.
- ¹² А. Шебунин, Николай Иванович Тургенев, 1923, с. 68.
- ¹³ «Остафьевский Архив», т. III, с. 441.
- ¹⁴ В. Кюхельбекер, Дневник, 1929, с. 91.
- ¹⁵ Там же, с. 92.
- ¹⁶ «Литературное Наследство», №№ 33—34.
- ¹⁷ «Остафьевский Архив», т. III, с. 349.
- ¹⁸ «Сын Отечества» 1822, № 21, с. 23.
- ¹⁹ «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. Достоевского», СПб. 1883, с. 375.
- ²⁰ В. Белинский, Собр. соч. под ред. С. Венгерова, т. V, с. 22—90.